

УДК 811.161.1

Е. Н. Кузьменко

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭПИГРАФА В ЛИРИКЕ З. М. ВАЛЬШОНКА

*К. М. КУЗЬМЕНКО. ОСОБЛИВОСТІ ФУНКЦІОНУВАННЯ ЕПІГРАФА В ЛІРИЦІ
З. М. ВАЛЬШОНКА.*

Стаття присвячена характеристиці особливостей функціонування епіграфа в ліриці З. М. Вальшонка, який доволі широко використовується поетом: З. М. Вальшонок упереджає епіграфами не тільки вірші, але й деякі поеми. Частіше за все у якості епіграфів використовуються поетичні цитати з творів авторів XIX–XX століть. Виходячи з типології епіграфа, запропонованої Н. А. Кузьміною, яка виділяє автономний та метонімічний його види, зроблено висновок, що автономний епіграф зустрічається у Вальшонка зрідка; більшість використаних поетом епіграфів належить до типу метонімічних, головною функцією яких є «актуалізація генетичних зв'язків» (Н. А. Кузьміна). Перспективу дослідження ми бачимо в аналізі епіграфа у тих віршах З. М. Вальшонка, які не розглядалися у даній статті, а також у його оригінальних поемах.

Ключові слова: епіграф, лірика, вірш, типологія, автономний та метонімічний епіграфи.

*К. М. КУЗЬМЕНКО. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭПИГРАФА В
ЛИРИКЕ З. М. ВАЛЬШОНКА.*

Статья посвящена характеристике особенностей функционирования эпитаф в лирике З. М. Вальшонка, который довольно широко используется поэтом. З. М. Вальшонок предваряет эпитафами не только стихотворения, но и некоторые поэмы. Чаще всего в качестве эпитафов используются поэтические цитаты из произведений авторов XIX–XX вв. Исходя из типологии эпитафа, предложенной Н. А. Кузьминой, которая выделяет автономный и метонимический его виды, делается вывод о том, что автономный эпитаф встречается у Вальшонка нечасто; большинство эпитафов, используемых поэтом, относится к типу метонимических, основной функцией которых является «актуализация генетических связей» (Н. А. Кузьмина). Перспективу исследования мы видим в анализе функции эпитафа в тех стихотворениях З. М. Вальшонка, которые не рассматривались в данной статье, а также в его оригинальных поэмах.

Ключевые слова: эпитаф, лирика, стихотворение, типология, автономный и метонимический эпитафы

*K. M. KUZMENKO. THE PECULIARITIES OF THE EPIGRAPH FUNCTIONING IN
Z. M. VALSHONOK'S OF THE LYRIC.*

The article is devoted to the features of the functioning of the epigraph in the poetry of Z. M. Valshonok, which is widely used by the poet. Z. M. Valshonok precedes with the epigraphs not only verses, but also some poems. Most often as epigraphs are used poetic quotations from the works of the authors of the XIX–XX centuries. Proceeding from the typology of the epigraph proposed by N. A. Kuzmina, which distinguishes its autonomous and metonymic shapes, it is concluded that the autonomous epigraph is infrequent of Valshonok; most epigraphs used by the poet are of the type of metonymic, the main function of which is the “actualization of genetic connections” (N. A. Kuzmina). We see the prospect of the study in the analysis of the function of the epigraph in Z. M. Valshonok's verses, which were not considered in this article, and also in his original poems.

Key words: epigraph, lyrics, poem, typology, autonomous and metonymic epigraphs.

© Е. Н. Кузьменко, 2018

<http://doi.org/10.5281/zenodo.1243682>

Исследователи-филологи уже не раз обращались к изучению эпитафия, его функционального назначения в тексте, типологической классификации, роли, которую он играет в восприятии текста читателем, и других его особенностей. Среди них И. В. Арнольд, Я. О. Зунделович, Н. А. Кузьмина, В. А. Кухаренко, В. С. Ларкин, Н. А. Фатеева, В. Д. Шевченко и другие.

В «Словаре литературоведческих терминов» С. П. Белокурова эпитафия понимается как «поэтическая или прозаическая цитата (афоризм, пословица или поговорка), предпосланная произведению или его части и призванная прояснить авторский замысел, указать на основную идею художественного текста» [3, с. 206].

Относясь к внетекстовому пространству, надтекстовым элементам и являясь разновидностью «чужой речи», цитатой из определенного источника, эпитафия становится одним из маркеров интертекстуальности, приобретая в силу необязательности особую значимость [9, с. 140–141]. Н. А. Фатеева видит в эпитафии следующую после заглавия «ступень проникновения в текст», которая, находясь над текстом, соотносится с ним как с целым [9, с. 140]. По мнению исследовательницы, «как композиционный прием эпитафия выполняет роль экспозиции после заглавия, но перед текстом и предлагает разъяснения или загадки для прочтения текста в его отношении к заглавию» [9, с. 141]. В. С. Ларкин отмечает, что «эпитафия как “слово”, состоящее перед текстом, сообщает огромный объем информации» [7]. Он позволяет выразить авторскую мысль от другого лица, предварительно пояснить основную идею произведения, способствуют созданию эстетического взаимодействия текстов.

Таким образом, универсальной функцией эпитафия является диалогизация, которая, как отмечает Н. А. Кузьмина, по-разному реализуется в разных его типах: в автономных эпитафиях имеет место диалог «эпитафия – текст под эпитафией», в метонимических – «текст – источник эпитафия – текст под эпитафией» [6].

По мнению И. В. Арнольда, «Эпитафия – цитата или изречение, включенные между названием текста и его началом, иносказательно интерпретирующие текст как бы от лица другого автора “другим голосом”». Исследовательница выделяет в качестве конституирующих признаков эпитафия диалогичность, интертекстуальность и эстетическую и эйдеологическую (идейно-тематическую) функции [1, с. 8–15].

Целью нашей статьи является характеристика особенностей функционирования эпитафия в поэзии З. М. Вальшонка.

Следует отметить, что эпитафии довольно широко используются поэтом, он предваряет эпитафиями не только стихотворения («Смерть Ивана Грозного», «Дарование есть поручение», «Бесценурное время», «Вкус поражений», «Век безлюбья», «Словарь», «Пифия», «Возвращение», «Сумеречное», «Солнцепоклонник», «Полюби свою судьбу», «Мысль изреченная...», «Эволюция Аввакума», «Крик и шепот» и др.), но и некоторые поэмы («Харьковский Дон Кихот», «Поэты и безвременье», «Бурсацкий спуск»). Чаще всего в качестве эпитафия используются поэтические цитаты из произведений авторов XIX–XX вв.

Исходя из типологии эпитафия, предложенной Н. А. Кузьминой, которая выделяет автономный и метонимический его виды [6], отметим, что автономный эпитафия встречается у Вальшонка нечасто. Примером подобного рода может послужить стихотворение «Смерть Ивана Грозного», имеющее подзаголовок «Версия», где в качестве эпитафия использована цитата «из научного журнала»: *После эксгумации останков Ивана Грозного в его костях были обнаружены частицы яда* [4, с. 169–170]. Данный эпитафия в комплексе с заглавием и подзаголовком по сути лишь задает тему стихотворения, связанную с осмыслением исторической роли и причин смерти Ивана Грозного.

В стихотворении перед читателем предстает *Россия – как растравленная рана, где в избах жметесь страх; за ставнями – затравленный народ; повсюду кровь и вопли в тишине: / опричина гуляет по стране...; в пыточной денечки горячи, / передыху не знают палачи...* [4, с. 169]. А все потому, что *подозренья отравляют мозг, / как призраки, исполненные яри и нигде не дремлет государев глаз, / и в каждой келье – зоркий соглядатай* [4, с. 169]. Рассуждая об исторической роли Ивана Грозного, поэт говорит, что *его вела возвышенная цель – / прирост и единение земель / от западных кордонов до Востока*, и именно ради достижения этой цели он *поднял мужжающую Русь* [4, с. 170]. Проводя параллель между историческим прошлым и днем

сегодняшним, Вальшонок поднимается до уровня исторического обобщения и эмоционально восклицает: *Неужто – о печаль моя и грусть! – / не разорвать величье и жестокость?* и уже исходя из этого рассуждает о причинах отравления тирана: *Что значил этот яд: боярский бунт / прообраз мятежей грядущих хунт?* [4, с. 170].

Большинство эпиграфов, используемых Вальшонком, относится к типу метонимических, основной функцией которых является «актуализация генетических связей, включение их в структуру нового текста» [6]. Поэт указывает автора или источник эпиграфа, сам же эпиграф аккумулирует смысл стихотворения и, отсылая к первоисточнику, выводит текст на более высокий уровень интерпретации.

Так, в качестве эпиграфа к стихотворению «Художник на судьбу не ропщет» Вальшонок использует неточную цитату из письма Евгения Баратынского Петру Плетневу: *Дарование есть поручение, и нужно исполнить его во что бы то ни стало* [4, с. 194] (у Баратынского: *Дарование есть поручение, и нужно исполнить его, несмотря ни на какие препятствия*). Собственно текст стихотворения начинается цитированием первой строки эпиграфа (*Дарование есть поручение*), что намеренно усиливает смысловую связь между эпиграфом и текстом. Далее автор развивает мысль своего поэтического предшественника и обращается к рассуждениям о российском поэте, о поэтическом труде и его назначении, вспоминает Пушкина и Блока. Таким образом, в стихотворении находит воплощение заданная Баратынским тема Божественного поручения поэту (показателем того, что именно Божественного, является написание указательного местоимения «тот» с большой буквы) и его ответственности перед Творцом: *Для Того, кто нам дал поручение / и к любви по-отцовски взывал, / наша вечная лень – огорчение, / а безумство запоя – провал* (выделено нами. – Е. К.) [4, с. 194] Финальная часть стихотворения приобретает форму риторического обращения поэта к собратям по перу. Возвращаясь вновь к уже процитированной в начале строке Баратынского, Вальшонок пишет: *Дарование есть поручение. / Ты прими этот принцип, поэт, / не как сумрачное поучение – / как осознанный сердцем завет* и завершает стихотворение евангельской аллюзией, которая вместе с употребленным выше определением *по-отцовски* возвышает поэта до уровня сына Божия, а его роль в обществе – до роли мессии – спасителя российской словесности: *Стóит корчиться в муках безвестности, / прозябать в чумовой нищете, / чтобы ради российской словесности / умереть на голгофском кресте* [4, с. 194]. Можно утверждать, что в данном случае эпиграф при отсутствии названия стихотворения частично перенимает на себя его функцию и задает тему стихотворения, отсылая к размышлениям Баратынского об избраннической миссии и ответственности художника – обладателя истинного таланта – перед Богом и людьми.

В книгу Вальшонка «Мой Пастернак» помещен включающий 12 стихотворений цикл с общим названием «Стихи с эпиграфом». Эпиграфами к вошедшим в него стихотворениям являются строки поэтов XIX–XX веков – Е. Баратынского, Ф. Тютчева, А. Фета; А. Ахматовой, В. Брюсова, И. Бунина, З. Гиппиус, Н. Гумилева, О. Мандельштама, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой.

Открывает цикл стихотворение «Бесцензурное время», эпиграфом к которому стали строки Велимира Хлебникова: *Свобода приходит нагая, / Бросая на сердце цветы, / И мы с нею в ногу шагая, / Беседуем с небом на «ты»* [4, с. 234]. В этом стихотворении поднимаются темы культуры, свободы, роли поэта и цензуры. Вальшонок полемизирует с Хлебниковым, романтизирующим, мифологизирующим революцию и свободу, и идет путем развенчания как мифов советской поры, так и новейшего времени. Поэт говорит о том, что было принято обвинять власть предрешающих в скудости культуры и ее гибели: *Вопили: Тупые генсеки, / деля свой хиленький культ, / безжалостно, как дровосеки, / таланты под корень секут!* [4, с. 234]. На самом же деле принципиальное изменение политической ситуации и строя (*Но ветер мятежного века / смял тяжесть огульных угроз. / Ни цензоров нет, ни генсеков, / ни сонмищ обкомовских бонз*) не принесло ожидаемого культурного подъема, и поэт восклицает, используя хлебниковский образ: *Нагая явилась Свобода, / но в мир не пришла благодать: / печальны культурные всходы / шедевров пока не видать!* (выделено нами. – Е. К.) [4, с. 234]. Причину такого положения вещей Вальшонок видит в утрате обществом духовности. И снова использование аллюзии к тексту-эпиграфу позволяет говорить о полемике с его автором: *Следы*

бездуховной пустыни / мешают свободно творить. / Увы, не умеем поныне / мы с небом на ты говорить! (выделено нами. – Е. К.) [4, с. 234].

Название стихотворения Вальшонка «Вкус поражений» уже само является аллюзией к пастернаковскому тексту «Быть знаменитым некрасиво...», из которого и взят эпитаф: *Другие по живому следу / Пройдут твой путь за пядью пядь, / Но пораженья от победы / Ты сам не должен отличать.* Своим стихотворением Вальшонок вступает в полемический диалог с «пророком», как он называет Б. Пастернака, о чем и заявляет в самом начале: *А я пророку отвечаю, / сполна хлебнувши горечь бед, / что слишком ясно отличаю / вкус поражений от побед* [4, с. 235]. Сквозными становятся в тексте стихотворения центральные для эпитафа образы побед и поражений / неудач. Делясь своими переживаниями и впечатлениями от пройденного пути, поэт жалуется на судьбу, в которой *Меж сотен гулких поражений / побед – по пальцам перечесть* [4, с. 236]. И хотя утверждает: *Себя не числю я в несчастных,* в то же время признается *на склоне лет: / среди побед моих несчастных / всё больше – пирровых побед!* [4, с. 236]. С учетом того, что выражение «пиррова победа» имеет значение «сомнительная победа, не оправдывающая понесенных за нее жертв» [2, с. 264], можно утверждать, что эта последняя строка снимает полемику, Вальшонок по сути признается, что в его собственной судьбе победы, доставшиеся непомерно большой ценой, мало отличаются от поражений.

Стихотворению «Век безлюбья» предпослан эпитаф, взятый из стихотворения А. Ахматовой: *Двадцать первое. Ночь. Понедельник. / Очертанья столицы во мгле. / Сочинил же какой-то бездельник, / Что бывает любовь на земле* [4, с. 236]. Заявленная эпитафом тема любви становится в стихотворении Вальшонка центральной, хотя, на первый взгляд, контрастирует с названием: «Век **безлюбья**» (выделено нами. – Е. К.). Лирический герой размышляет о том, что его любовь прошла несколько стадий: в юности она была *бескрайняя Вселенная, манящая, горячая, чувство возделенное, светлое, благодать,* которая *ниспослана тишайшей волею Господней;* в зрелости же, когда герой *отравлен ересью лжи, вероломства и измены,* он разуверился *в святой любви и в тайне страсти сокровенной.* Это период, когда *поправ безумства жар нешуточный, / явилось время трезвых истин, / где торжествует ум рассудочный / над естеством и бескорыстьем* [4, с. 236].

Стихотворение «Словарь» предваряют строки Николая Гумилёва из стихотворения «Слово»: *В оный день, когда над миром новым / Бог склонял лицо свое, тогда / Солнце останавливали словом, / Словом разрушали города* [4, с. 237]. Стихотворение Вальшонка обращено к традиционным для литературы темам Слова (в первую очередь, поэтического), его духовной мощи, поэта и поэзии. Смысловая связь стихотворений становится очевидной уже на уровне названий: «Слово» (Гумилев) – «Словарь» (Вальшонок). Предпосланный стихотворению эпитаф относится к категории метонимических и осуществляет функцию актуализации межтекстовых семантических связей. Причем включает в структуру нового текста не только смыслы прецедентного гумилевского стихотворения, но и использованные Гумилевым библейские аллюзии – как имплицитные (Слово не просто обладает величайшей созидательной, творческой силой, оно само этой силой является; именно Словом Бог сотворил все сущее: «И сказал Бог: да будет свет» (Быт. I: 3); «Словом Господним небеса утвердишася, и духом уст Его вся сила их» (Пс. 32: 6) (здесь и далее выделено нами. – Е. К.)), так и открыто выраженные (*И в Евангелии от Иоанна / Сказано, что Слово это – Бог:* «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. ... Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь...», – говорит апостол Иоанн (Иоанн I: 1; 2; 3; 4); *Солнце останавливали словом, / Словом разрушали города:* согласно Библии, именно Словом Иисус Навин остановил на небе солнце и луну: «стой, солнце, над Гаваоном, и луна, над долиною Аиалонскою! И остановилось солнце, и луна стояла...» (Нав. 10: 12; 13), иерихонские стены разрушили под предводительством Иисуса Навина не только трубными звуками, но и криком – «Словом»: «Народ воскликнул, и затрубили трубами. Как скоро услышал народ голос трубы, воскликнул народ громким голосом, и обрушилась стена города до своего основания, и народ пошел в город, каждый с своей стороны, и взяли город» (Нав. 6: 19)).

В стихотворении Гумилева звучит мысль, что «человеческое слово по мере удаления от Бога Слова все более умалется, разбавляется и искажается, даже до полной своей противоположности, неузнаваемости» [8]. Не случайно завершается стихотворение словами,

отчетливо выражающими эту идею: *Мы ему поставили пределом / Скучные пределы естества. / И, как пчелы в улье опустелом, / Дурно пахнут мертвые слова* [5].

Вальшонок отталкивается от гумилевского текста и развивает идеи, в нем заложенные, с точки зрения своего времени, исходя из того, что современный мир еще более удалился от Бога Слова. Созданная с помощью эпитафии отсылка к стихотворению Гумилева избавляет поэта от необходимости убеждать читателя в изначальной божественности Слова, и его стихотворение, как бы продолжая начатый поэтом Серебряного века разговор, начинается словами: *Верил я, что сила слов – жива. / Оказалось – время ставить свечи... / Вымерли священные слова, превратившись в тленные словечки* [4, с. 237]. Эта мысль в тексте стихотворения получает развитие: *Потускнело от мещанских битв / Слово то, что реяло в Начале. / Звуки заклинаний и молитв / в суетности будней измельчали <...> Нынче в моде бранный лексикон / и ненормативная чернуха. / Матерщина, смявшая закон, / режет сердце, а не только ухо* [4, с. 237]. Вальшонок говорит и об «измельчании» литературы, поэзии, поэтического слова, что находит выражение в форме риторических вопросов: *Где глагола пламенная мощь, / где созвучий вещей колыханье, / выразивших дух волшебных роц / и полей блаженнее дыханье?* [4, с. 237–238], лексический состав которых отсылает читателя к традициям классической русской поэзии.

Завершающие строки вальшонковского стихотворения коррелируют с гумилевским «Словом». Опираясь на текст Священного Писания, поэт Серебряного века противопоставлял Слово и число как духовное и материальное, полагая, что если Слово возвышенно, всесильно, обладает силой творящей, то число приземленно губительно, разрушительно (ветхозаветная книга «Числа» посвящена рассказу об исторических событиях и правилах, то есть о вещах земных). Развивая эту идею, Вальшонок предельно конкретизирует ее, преломляя через современное «обытовление» творчества, подмену истинного искусства слова «рабым ремеслом», а подлинного поэта, пушкинского «властителя дум», – коммерсантом от литературы: *Но искусство – рабье ремесло / правит в жизни и литературе. / Нынче богом сделалось Число, / властно пламенея на кутюре!* [4, с. 238].

Таким образом, эпитафии широко используются З. М. Вальшонком, он предваряет ими не только стихотворения, но и поэмы. Чаще всего в качестве эпитафий используются поэтические цитаты из произведений авторов XIX–XX веков. Автономный эпитаф встречается у поэта нечасто. Большинство эпитафий, используемых Вальшонком, относится к типу метонимических, основной функцией которых является «актуализация генетических связей» [6].

Перспективу исследования мы видим в анализе функции эпитафии в тех стихотворениях З. М. Вальшонка, которые не рассматривались нами в данной статье, а также в его оригинальных поэмах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Герменевтика эпитафии // Слово – Высказывание – Дискурс: Международный сборник научных статей / Под ред. А. А. Харьковской. Самара: Изд-во Самарского университета, 2004. С. 8–15.
2. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. 4-е изд., доп. М.: Худож. лит., 1988. 528 с.
3. Белокурова С. П. словарь литературоведческих терминов. СПб.: Паритет, 2007. 320 с.
4. Вальшонок З. М. Мой Пастернак. Разговор с Пророком. / Стихи. Поэмы. Эссе. Венки сонетов. Москва: Сам Полиграфист, 201, 556 с.
5. Гумилёв Н. Слово [Электронный ресурс]. URL: <https://gumilev.ru/verses/24/>.
6. Кузьмина Н. А. Эпитафия в коммуникативном пространстве художественного текста // Вестник Омского университета, 1997, Вып. 2. С. 60–63. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imit.omsu.ru/vestnik/articles/y1997-i2/a060/article.html>.
7. Ларкин В. С. Эпитафия как кодирующая единица прозаического текста (на материале романа Вальтера Скотта «Айвенго») [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/1224>.
8. Мороз Алексей (священник). Слово и его воздействие на человека [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/analitika/2011/02/23/slovo_i_ego_vozdejstvie_na_cheloveka/.

9. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. Москва: КомКнига, 2007. 280 с.